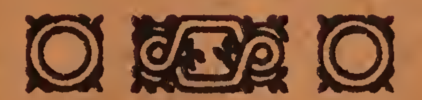
РУССКІЙ

ЧТО СЕЙЧАСЪ ВСЕГО НУЖНѢЕ РОССІИ?

ВАЛОВОЙ ДОХОДЪ ОТЪ ИЗДАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ БОЛЬНЫХЪ И РАНЕНЫХЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛIОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

"РУССКІЙ"

ЧТО СЕЙЧАСЪ ВСЕГО НУЖНѢЕ РОССІИ?

ВАЛОВОЙ ДОХОДЪ ОТЪ ИЗДАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ БОЛЬНЫХЪ И РАНЕНЫХЪ РУССКИХЪ ВОИНОВЪ.

ИЗДАНІЕ М. М. ОГАНЕСОВА.
230 Riverside Drive, New York.
1919

ЧТО СЕЙЧАСЪ ВСЕГО НУЖНѢЕ РОССІИ?

Съ тѣхъ поръ, какъ Николай II такъ безропотно сложилъ свою „Богомъ данную" власть, русскій народъ возлагалъ свои горячія надежды и ввѣрялъ свою судьбу послѣдовательно въ руки трехъ партій: кадетъ, умѣренныхъ соціалистовъ и большевиковъ.

Первые обнимаютъ собою почти всю русскую интеллигенцію, работавшую на общественной нивѣ еще въ царскія времена.

Народъ они знали поверхностно, книжно, (не даромъ такъ много было въ партіи всякихъ профессоровъ), идеализировали его безмѣрно, но зато и безмѣрно же, зачастую до самозабвенія, любили его.

Въ партіи была большая совѣсть, большое сознаніе своего долга, вѣрнѣе „вины" передъ народомъ. Но, быть можетъ, какъ разъ это острое ощущеніе всѣхъ страданій и несправедливостей, причинявшихся народу пережившимъ себя самодержавіемъ, и послужило первопричиной банкротства партіи.

Она потеряла сознаніе грани между выполненіемъ воли народа и подчиненіемъ напору всегда и всюду шумливыхъ политикановъ и демагоговъ.

Слишкомъ же долгое нахожденіе въ роли безотвѣтственной оппозиціи, совершенно атрофировало волю партіи.

А въ революціонныя времена поле остается всегда не за наиболѣе умнымъ и честнымъ, а за наиболѣе энергичнымъ и, часто, даже хуже: за наиболѣе безчестнымъ.

При такихъ условіяхъ паденіе Кадетскаго Министерства кн. Львова и полная утрата народомъ всякаго довѣрія къ кадетамъ и интеллигенціи были вопросомъ лишь времени.

На смѣну имъ весьма быстро пришли умѣренные соціалисты, возглавляемые соціалистомъ - революціонеромъ Керенскимъ и меньшевиками Чхеидзе и Церетели.

Благодаря особенностямъ русской дѣйствительности, при царскомъ режимѣ обѣихъ этихъ партій на русской почвѣ не су-

ществовало вовсе. Не существовало настолько, что подавляющее большинство населенія не слыхивало и уже во всякомъ случаѣ совершенно не усваивало себѣ самаго смысла слова „соціализмъ".

Послѣдствіемъ этого факта явились два явленія.

Во-первыхъ, руководящіе круги обѣихъ партій пришлось почти цѣликомъ рекрутировать среди бывшихъ политическихъ каторжанъ, ссыльныхъ и эмигрантовъ и, вообще, инородныхъ элементовъ, въ большинствѣ весьма почтенныхъ, но практической жизни не знавшихъ вовсе, отъ русскаго народа совершенно оторванныхъ, и даже не уважавшихъ его за явную отсталость и неспособность постичь тѣ формы счастья, которыя они для него разработали.

Во-вторыхъ, въ цѣляхъ формированіи партійныхъ кадровъ пришлось сразу же до допустить **нѣкоторую долю** демагогіи — начать раздачу обѣщаній, **завѣдомо** невыполнимыхъ.

Однако, будучи идейно неразрывно связаны съ научнымъ соціализмомъ, эти люди не могли не понимать, что соціалистическій рай въ Россіи въ крайнемъ случаѣ возможенъ лишь въ результатѣ упорныхъ усилій цѣлаго ряда поколѣній, что соціалистическій строй можетъ еще, пожалуй, разсматриваться какъ нѣкій идеалъ отдаленнаго будущаго, но ни въ коемъ случаѣ не какъ нѣчто, подлежащее немедленному осуществленію. Поэтому они были первыми, кто ужаснулся той интерпретаціи соціализма, которую стала являть русская дѣйствительность.

Начались безнадежныя метанія изъ стороны въ сторону. Рядомъ — дѣйствительно патріотическіе порывы спасти погибающую страну и тутъ же какая то трусливая боязнь порвать съ демагогіей, которая явно вела страну къ гибели.

Но держать изстрадавшійся народъ одними обѣщаніями благъ въ какомъ то невѣдомомъ будущемъ было явно невозможно, когда рядомъ „другіе" сулили народу золотыя горы и, при томъ, немедленно.

Предъ правящими партіями лежали два пути: либо призвать народъ къ исполненію гражданскаго долга и желѣзной рукой, въ стилѣ Носке, подавить демагогію, либо отдать себя и всю страну на потѣху демагогамъ.

Не рѣшившись на первое, умѣренныя соціалистическія партіи съ исторической неизбѣжностью шли на второе.

Во главѣ „правительства" стали люди уже совершенно чуждые народу, его ни капли не любившіе и даже его презиравшіе, съ нимъ ничего не имѣвшіе общаго, смотрѣвшіе на него какъ на Versuchskaninchen для провѣрки надуманныхъ на досугѣ теорій, люди съ чужими именами и съ чужими деньгами въ карманѣ, люди необузданнаго честолюбія, чудовищной самоувѣренности и, порой, чисто животной жадности къ власти и богатству.

Какъ ихъ ни оцѣнивать, но нельзя не признать, что пришли они на борьбу съ несравненно большими шансами на побѣду, чѣмъ кто бы то ни было другой, у кого не заглохла совѣсть и чувство долга, ибо они безо всякихъ колебаній и угрызеній совѣсти готовы были играть на низменныхъ инстинктахъ народа — не требовать чего либо во имя общаго блага, а — раздавать всякому, кто сумѣетъ потребовать, нисколько не смущаясь тѣмъ, что отъ этого пострадаетъ общее благо.

Ихъ чрезвычайно мало интересовало то обстоятельство, что въ знаменитой формулѣ „грабь награбленное" народъ совершенно не заинтересовался второй половиной, заключавшей въ себѣ сомнительное оправданіе первой. Важно было, что бы онъ отдался съ увлеченіемъ этой первой половинѣ, ибо черезъ это можно было захватить власть надъ нимъ.

А власть имъ была нужна: кому для самоуслажденія, кому для экспериментированія надъ живымъ народнымъ тѣломъ во славу книжныхъ теорій.

Не могли не придти къ власти тѣ люди, которые рѣшили добиваться ея какой угодно цѣной и потому были готовы прислушиваться къ желаніямъ толпы, не входя въ ихъ оцѣнку и, наоборотъ, считались съ тѣмъ, что на дурное человѣкъ, освобожденный отъ путъ совѣсти и логики, всегда болѣе склоненъ, чѣмъ на хорошее.

Большинство изъ нихъ даже отлично понимало, что ихъ большевизмъ не представитъ изъ себя рѣшительно ничего новаго, разумѣется не тотъ большевизмъ, который расписываютъ полубезумные фанатики, наемные берзописцы или околпаченные простаки, въ родѣ американскихъ parlor-bolsheviki, а большевизмъ дѣйствительной русской жизни.

Такой большевизмъ въ исторіи человѣчества вспыхивалъ уже не разъ.

Негодованіе человѣчества противъ соціальнаго неравенства и зависть стары какъ міръ. Они родились, вѣроятно, въ тотъ же день, когда родилось первое сбереженіе.

Когда высшій, правящій, слой проявлялъ государственную мудрость и обезпечивалъ непрерывное улучшеніе матеріальныхъ условій жизни широкихъ массъ народныхъ — ненависть замирала.

Наоборотъ, когда „богатые" замыкались въ узкомъ кругу себялюбивой защиты личныхъ интересовъ, правители вырождались, утрачивали истинное государственное чутье, ненависть вспыхивала вновь яркимъ пламенемъ. Убѣждаясь, что вожди націй приводятъ народныя массы къ горю и страданіямъ, послѣднія естественно начинали сомнѣваться не только въ ихъ правѣ на привиллегіи, но и въ правѣ на водительство, и начинали дѣлать конвульсивныя попытки своимъ разумомъ находить выходъ изъ тупика, въ который ихъ завели.

Такъ и въ наши дни, великія страданія, принесенныя войной, подорвали авторитетъ правящаго слоя во всѣхъ странахъ. Нѣтъ прежней вѣры въ старыхъ „испытанныхъ", вѣрнѣе профессіональныхъ, народныхъ вождей.

И это такъ естественно. Вѣдь вся цивилизація состоитъ въ непрерывномъ стремленіи подчинить силу физическую силѣ человѣческаго духа. Между тѣмъ, не съумѣвши разрѣшить мирнымъ путемъ простой торговый споръ между двумя націями и доведя его до ужасающей бойни, именно человѣческій разумъ призналъ свое банкротство, ибо воззвалъ къ физической силѣ и тѣмъ естественно внушилъ массамъ мысль о пріоритетѣ мускуловъ передъ умомъ.

Мудрено ли, если при этомъ люди физическаго труда усомнились во всѣхъ правахъ и достоинствахъ работниковъ въ области духа и стали мечтать о возможности разрѣшать сложнѣйшія проблемы человѣческой жизни методами простыми, какъ простъ и самъ физическій трудъ.

Большевикамъ оставалось только замаскироваться народными печальниками и естественно истинными интерпретаторами желаній и нуждъ рабочаго класса.

Тамъ, гдѣ массы были болѣе развиты, гдѣ онѣ успѣли сознать все значеніе создаваемой промышленниками организаціи національнаго производства, тамъ онѣ распространили свои сомнѣнія только на классъ профессіональныхъ политиковъ и „бо-

гатыхъ" и, объявляя борьбу противъ излишняго скопленія богатствъ у отдѣльныхъ классовъ и лицъ, однако, остались при твердомъ и ясномъ сознаніи необходимости руководительства со стороны работниковъ въ области духа и только стали ихъ брать въ другой сферѣ. Такъ возникалъ естественный союзъ между рабочимъ и промышленникомъ и эти два фактора матеріальнаго творчества націи совмѣстно брали въ свои руки дальнѣйшую отвѣтственность за ея судьбу и стали диктовать основныя линіи политики, предоставляя политикамъ-профессіональнымъ лишь выполненіе заданныхъ имъ директивъ. Такъ обстоитъ дѣло въ Англіи.

Въ Россіи обликъ событій совсѣмъ иной. Страданія массъ тамъ были куда глубже и ужаснѣе, умственное развитіе куда ниже. Естественно, отчаяніе и сомнѣніе народа зашли куда дальше. Тамъ люди физическаго труда усомнились во всѣхъ работникахъ въ области духа. Физическій трудъ захотѣлъ самъ устраивать свою судьбу и естественно сталъ искать методовъ простыхъ и легкихъ. Отсюда вѣдь и успѣхъ большевизма. Его методъ леченія народныхъ страданій черезъ справедливое раздѣленіе существующихъ благъ такъ заманчивъ по своей легкости: вѣдь раздѣленіе куда легче, чѣмъ методъ дѣятельнаго созиданія и накопленія цѣнностей, требующій долгаго и настойчиваго труда и самоограниченія. Вполнѣ понятно отсюда, почему русскій народъ въ своемъ отчаяніи долженъ былъ съ головой броситься въ этотъ яко-бы соціалистическій экспериментъ, черезъ который онъ сейчасъ проходитъ и который волнуетъ умы всего міра.

По счастью для всего человѣчества, этотъ экспериментъ былъ начатъ достаточно рано; раньше, чѣмъ народы освободились отъ заботъ по веденію войны и получили свободу думать о перестройкѣ соціальныхъ отношеній. За два года большевистской эры въ Россіи всякому вдумчивому человѣку успѣло стать яснымъ, что русскій соціализмъ выродился въ самый вульгарный капитализмъ хищническаго типа. Если отбросить вовсе для него не характерный фактъ яко-бы націонализаціи отдѣльныхъ частныхъ имуществъ, то вся хозяйственная основа большевистскаго эксперимента сводится къ проживанію въ долгъ, къ безоглядочному использованію выпуска кредитныхъ билетовъ. Эта комическая вѣра въ единст-

венную спасительность финансовыхъ методовъ *) стараго, проклинаемаго капиталистическаго строя съ неуклонностью закона привела весь яко-бы соціалистическій опытъ лишь къ грандіозному ограбленію подавляющаго большинства народа —крестьянскихъ массъ — новымъ привилегированнымъ классомъ — городскими рабочими и революціонной бюрократіей. Когда же грабить стало нечего — сталъ помирать съ голоду и „привиллегированный" классъ.

Сейчасъ нѣтъ въ мірѣ страны, въ которой такъ низко оплачивался бы трудъ, какъ въ Россіи. Въ то же время всякое созданіе новыхъ предпрятій остановилось, ибо, за упраздненіемъ „богатыхъ", прекратилось накопленіе, т. е. изсякъ источникъ промышленнаго творчества и интересъ къ нему.

Русскій большевизмъ подходитъ къ своему естественному концу и при томъ не въ какихъ либо красочныхъ тонахъ трагедіи, а въ пошленькой формѣ самаго тривіальнаго финансоваго банкротства, ибо надвигающійся крахъ рубля лишитъ большевизмъ той основы, которой онъ дышалъ и дѣйствовалъ.

Ни вѣры, ни надежды, ни любви къ большевикамъ у русскаго народа уже больше нѣтъ, если они и были когда раньше.

Россія уже подошла къ слѣдующему этапу своей исторіи — къ фатально, послѣ всего натвореннаго, неизбѣжному временно - военному управленію.

Но вѣдь это рѣшеніе — существенно временнаго характера.

Еще Талейранъ сказалъ,что штыками можно сдѣлать весьма многое, но нельзя сдѣлать одного: на нихъ нельзя сидѣть.

Въ военныхъ рукахъ власть можетъ быть только недолгій

*) Вся большевистская финансовая политика — въ дѣйствительности, а не на словахъ — базировалась на слѣд. простое разсужденіе: „я нуждаюсь во всемъ, ибо у меня нѣтъ денегъ. Мой „богатый" сосѣдъ имѣетъ все, ибо у него много денегъ. Слѣдовательно, чтобы благоденствовать и не быть беднѣе сосѣда, надо получать много денегъ и не меньше, чѣмъ сосѣдъ". Этотъ идеалъ русскими большевиками осуществленъ. Денегъ у всѣхъ много и, приблизительно, поровну. Но, одновременно, всѣ пухнутъ отъ голода. Удивителенъ не этотъ результатъ, а то, что, даже послѣ нагляднаго опыта Россіи, пролетаріатъ во всемъ мірѣ продложаетъ твердить: побольше денегъ! Какъ будто деньгами, т. е. методомъ чисто финансовымъ, можно разрѣшить сложнѣйшую проблему экономическаго порядка!

срокъ. Надо строить новую жизнь, подводить новый фундаментъ идеаловъ и задачъ, создавать власть, опирающуюся не на силу, а на вѣру народа въ то, что она правильно понимаетъ и отстаиваетъ его интересъ.

Кому же ввѣритъ народъ власть надъ собой, за кѣмъ онъ пойдетъ? И не потому, что это разумно, а объективно - исторически является неизбѣжнымъ?

Мало шансовъ за то, чтобы народъ захотѣлъ вновь меньшевиковъ или кадетъ.

Принявши лошадиную долю соціализма по рецепту большевиковъ, едва ли народъ въ совокупности захочетъ того же соціализма, но разбавленнаго нѣкоторымъ количествомъ валеріановыхъ капель.

За послѣдніе два года столько грязи и гнуснѣйшихъ преступленій было натворено подъ флагомъ соціализма, что для весьма многихъ людей самое слово „соціализмъ" — станетъ одіознымъ.

Къ тому же націи, не имѣющія политической традиціи, всегда склонны къ быстрой и радикальной перемѣнѣ мнѣній.

Мелкіе грѣхи самодержавія уже въ значительной мѣрѣ забыты, да и поблекли они передъ ужасами большевистской русской дѣйствительности. Забыты и великія **историческія** ошибки царскаго режима — все то, что, въ конечномъ итогѣ и дало большевизмъ.

Между тѣмъ, прегрѣшенія и промахи Временнаго Правительства еще у всѣхъ на памяти, и на немъ, въ глазахъ многихъ, лежитъ „вина" въ „допущеніи" большевиковъ.

При этихъ условіяхъ, не мало людей должны начать видѣть спасеніе отечества въ возстановленіи монархіи. Отсюда и не прекращающіяся заподозрѣванія Колчака, не потому, чтобы были *дѣйствительно* серьезныя доказательства его яко-бы недостаточной демократичности, а потому что наличіе, если не въ немъ, то въ окружающихъ его, реставраціонныхъ вожделѣній, въ силу чисто теоретически-отвлеченныхъ разсужденій, — **вѣроятно**.

Само по себѣ возстановленіе монархіи еще не такъ страшно. Для возстановленія русской государственности, для возвращенія Россіи въ семью цивилизованныхъ націй, совершенно необходимо привести въ порядокъ распустившихся и обнаглѣвшихъ хулигановъ, такой липкой грязью облѣпившихъ

весь соціализмъ большевистскаго режима. Поэтому сильная власть нужна Россіи, какъ воздухъ. Будетъ ли эта власть называться Царемъ, Верховнымъ Правителемъ, Президентомъ, Протекторомъ или какъ иначе — не так ужъ существенно. Вѣдь и диктаторы пролетаріата, Ленинъ и Троцкій, тоже стараются унять духовъ, ими же вызванныхъ, и пытаются возстановить порядокъ и дисциплину.

Разница между Троцкимъ и Наполеономъ III вовсе не такъ ужъ велика: послѣдній тоже былъ очень краснорѣчивъ въ изъявленіи своихъ нѣжныхъ чувствъ къ рабочему классу, что, однако, не мѣшало ему душить всякую гражданскую свободу не хуже большевиковъ.

Въ формальной реставраціи ужасенъ ея символическій смыслъ. Она знаменуетъ собой отчаяніе народа, потерю имъ вѣры въ свою силу и способность выработать себѣ новый, лучшій, укладъ жизни.

Важно, наконецъ, то, что за реставраціей будетъ слѣдовать дальше, какую жизнь она будетъ созидать. Бываютъ монархіи и монархіи. Монархія Георга IV и Виктора Эммануила несомнѣнно во много разъ демократичнѣе республики Кавеньяка, Макъ Магона и даже Барреса.

На кого новый русскій царь будетъ опираться?

Ужъ конечно не на рабочихъ.

На дворянство? Но оно сметено революціонной волной, и на всегда. Даже получивши обратно свои земли, дворяне едва ли рискнутъ вернуться въ свои „гнѣзда", къ тому же въ большинствѣ, сожженныя.

На духовенство? Но оно показало себя способнымъ только христіански - безропотно умирать; героически, свято, но все же — только умирать.

На въ конецъ разоренное купечество? Гдѣ оно, и гдѣ граница, отдѣлающая его от нищаго?

На крестьянство? Кто только не строилъ на немъ своихъ надеждъ! Но кому оно можетъ послужить подлинной опорой, безграмотное, разоренное, какъ разъ сейчасъ показывающее себя неспособнымъ даже сбросить съ себя ненавистное, органически ему враждебное, иго городского хулиганья?

Сказалъ про него поэт, что оно „мовчитъ, бо благоденствуетъ". Такъ оно было, и такъ и будетъ еще очень долго.

Въ крайнемъ случаѣ, крестьянство можетъ дать царю

безропотныхъ полицейскихъ и помочь ему, по старой обскурантской формулѣ, „подмораживать" Россію... съ перспективой новаго большевистскаго взрыва черезъ 10—15 лѣтъ.

Царизмъ, имѣющій лишь такую „опору", будетъ только модификаціей временнаго военнаго управленія и потому органически будетъ временнымъ—то же своего рода „передышкой" передъ новой революціонной попыткой строительства новой жизни.

Полицейскія задачи ему вполнѣ доступны. Порукой тому служитъ сибирскій успѣхъ чехословаковъ. Хулиганъ всегда съ наглостью соединяетъ трусость, а вѣдь въ большевистской средѣ идейные люди, фанатики — прав Ленинъ! — теряются въ гущѣ хулиганья и гешефтмахеровъ — этой новой формаціи буржуевъ.

Справится возрожденный царизмъ и съ задачей возстановленія внѣшнихъ формъ государственности.

Заложить фундаментъ этой государственности, создать прочные государственные финансы, въ Россіи задача значительно болѣе легкая, нежели въ любой изъ другихъ странъ міра. Ликвидированное банкротство всегда легче затяжного. Вѣдь будущій главный бухгалтеръ Государства Россійскаго будетъ въ состояніи начать новый государственный балансъ со списанія всѣхъ долговъ, выраженныхъ въ обезцѣненномъ рублѣ. Стараніями большевиковъ на русскомъ бюджетѣ тяготы военныхъ долговъ лежать не будетъ.

Наконецъ, наученный опытомъ Царя Николая, новый царь, вѣроятно съумѣетъ, цѣной тѣхъ или иныхъ либеральныхъ „уступокъ", примирить съ собой даже и ту часть интеллигенціи, которая, даже не взирая на весь пережитый ужасъ, не въ состояніи будетъ видѣть спасеніе народа и свое въ политической реакціи.

Но какъ справится реставрація съ основной причиной большевистской революціи — съ сомнѣніемъ народа въ правотѣ и разумѣ правящихъ верховъ?

Какими словами и способами родитъ она въ душѣ народной такъ безконечно нужный ей энтузіазмъ?

Какъ заставитъ она народъ понять, что трудъ есть единственная основа его собственнаго благополучія, а не рабья дань въ пользу баръ-эксплоататоровъ?

Вѣдь пора понять, что въ октябрьской революціи соціали-

стическаго было только — плакаты, а по существу это былъ типичный „русскій бунтъ", бунтъ противъ барина, противъ всего, что командуетъ, опираясь на свое умственное развитіе. Психологія большевистскаго „авангарда всемірной соціалистической революціи" въ Петроградѣ очень недалека отъ психологіи героевъ холерныхъ бунтовъ. Животная ненависть къ крахмальному воротничку говоритъ гораздо больше, чѣмъ вся литература „диктаторовъ пролетаріата".

Какимъ же образомъ реставрація — дѣйствіе чисто внѣшне политическое — произведетъ такой психологическій сдвигъ въ душѣ народа, въ силу котораго онъ вновь добровольно признаетъ необходимость въ строительствѣ своей жизни прислушиваться къ голосу людей разума, знанія, культуры, а не къ площаднымъ горлопанамъ?

Еще безнадежнѣе позиція идеологовъ реставраціи во второмъ вопросѣ: какъ возродить въ народѣ энтузіазмъ къ труду и творчеству?

Практиковавшійся большевиками (да и ихъ предшественниками, начиная съ царскаго режима) „простой" и „легкій" способъ разрѣшенія созданной войной проблемы недопроизводства при помощи кредитныхъ билетовъ въ конецъ деморализовалъ русскія народныя массы. Раздача денегъ не по заслугамъ, а за симъ потеря вѣры въ деньги, лишила народъ смысла трудиться. Иногда прикрываясь красивыми словами, а чаще откровенно оправдываясь отсутствіемъ цѣли и выгоды затрачивать энергію, русскій народъ впалъ въ безпробудную лѣность и апатію.

И въ этомъ основной ужасъ положенія. Ибо никакими самыми великолѣпными политическими мѣропріятіями такой народъ невозможно сдѣлать богатымъ, счастливымъ и культурнымъ. Передъ нимъ только одна перспектива — одичаніе и смерть милліоновъ.

Надо, впрочемъ, сказать, что русскій народъ не одинокъ въ этомъ отношеніи. Эта болѣзнь духа — ослабленіе воли — охватила всѣхъ.

Пять долгихъ лѣтъ воюющія страны жили въ долгъ, въ счетъ будущихъ доходовъ, не творя полезныхъ для человѣчества цѣнностей.

Теперь, по окончаніи войны, всѣми разумными людьми сознается острая необходимость возврата къ прежнему произ-

водительному труду, возстановленія разрушенныхъ цѣнностей и созданія новыхъ. А между тѣмъ энергіи для возстановленія неслыханной растраты нигдѣ, ни въ одной странѣ, не видно.

Великая усталость охватила все человѣчество. Устали и воевавшіе народы, столь много потрудившіеся надъ организаціей побѣды, устали и нейтралы, использовавшіе небывалый случай для наживы.

Организаціонный геній человѣчества, столь напряженно творившій въ теченіе пяти лѣтъ, вызывавшій къ жизни съ колоссальной быстротой новыя производства, налаживавшій разстроенное снабженіе и создававшій планомѣрное распредѣленіе благъ, точно изсякъ.

Великія задачи реконструкціи не вызываютъ, ни въ массахъ, ни въ руководителяхъ, того антузіазма, съ которымъ разрѣшались задачи, выдвигавшіяся войной.

Правда, ушли два стимула: патріотизмъ — боль и страхъ за родину — и надежда на колоссальную „военную" прибыль. Но, если бы и не этотъ фактъ, все равно, вѣроятно, мы видѣли бы въ эти дни нестерпимой нужды въ новыхъ цѣнностяхъ толпы людей, сидящихъ безъ работы и изощряющихъ свой умъ надъ изобрѣтеніемъ способовъ уменьшить свою производительность: истощились отъ нестерпимаго напряженія, и разумъ, и воля человѣчества.

Мудрено ли, что слабовольный русскій народъ этой міровой неврастенической эпидеміи поддался больше всѣхъ другихъ?

Мудрено-ли также, что онъ всего дальше ушелъ отъ вѣрныхъ способовъ леченія своего кореннаго недуга — нестерпимой бѣдности?

Въ такія минуты депрессіи душевной, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлыя націи, склонны прислушиваться къ соблазнительнымъ рѣчамъ знахарей, обѣщающихъ скорую и легкую помощь противъ смертельной опасности. Какъ часто видишь въ жизни, что дѣловой человѣкъ, когда ему угрожаетъ неминуемое разореніе, хватается за карты, мечтая черезъ выигрышъ — легко и быстро! — уйти отъ банкротства.

Всеобщее разореніе, принесенное войной, смутно сознается народами, но никто не хочетъ вѣрить тому, что нѣтъ другого спасенія, кромѣ долгаго и упорнаго труда. Такъ хочется вѣрить въ возможность чуда!

Большевики отлично учуяли это душевное настроеніе. Они понимали, что для того, чтобы повести народъ за собой, надо дать ему надежду на чудо, возбудить въ немъ великій энтузіазмъ.

Но великій энтузіазмъ можетъ быть рожденъ только, либо великой любовью, либо великой же ненавистью.

Цѣлый народъ окрылить можно, либо титанчиностью и красотой подвига и креста, который онъ долженъ взять на себя, либо надеждой на легкое достиженіе счастья.

Большевики избрали болѣе легкій путь. Они обѣщали народу чудо и стали проповѣдывать ненависть.

Но ненависть — какъ динамитъ — сила разрушительная, а не созидательная. Взрывъ можетъ быть величественъ и ужасенъ. Но развѣ разумный строитель заложитъ динамитъ въ фундаментъ возводимаго зданія?

Великія ошибки не искупаются шутя, великія страданія не исцѣляются въ мгновеніе.

Такъ и великая ошибка человѣчества — эта проклятая война міровая — не изгладится только отъ того, что люди не захотятъ считаться съ ея неустранимыми послѣдствіями.

Пускай народы въ поискахъ несбыточнаго счастья, съ капризностью и неразуміемъ ребенка, уничтожаютъ вѣками тяжелаго труда созданную соціальную и государственную организацію. Отгорятъ огни фальшфейера лживыхъ демагогическихъ посуловъ иостанутся народы передъ тѣми же задачами, но даже и безъ прежнихъ способовъ ихъ разрѣшенія.

Пускай удаются всѣ 40 и 36-ти часовыя недѣли, всѣ коллективные наймы, отмѣны „потогонныхъ" сдѣльныхъ работъ и всякіе другіе, болѣе или менѣе остроумные, способы пониженія энергіи труда, пускай растутъ феерически, вплоть до государственнаго банкротства, заработныя платы, пускай понижается дисциплина труда вплоть до россійскаго полнаго ничегонедѣланія. Пускай политическіе рекламисты кричатъ о насильственномъ пониженіи дороговизны жизни, т. е. товарныхъ цѣнъ. Отъ этого законы арифметики не падутъ: уменьшенная производительность не устранитъ того міроваго товарнаго голода, отъ котораго въ первую голову и страдаютъ сейчасъ народныя массы.

Большевизмъ въ Россіи умираетъ, и не потому, что на него ополчились злокозненные контръ-революціонеры, а потому, что

не можетъ жить въ душѣ народа вѣра въ чудо, которое упорно не приходитъ, да и не придетъ никогда.

Въ Россіи народъ наглядно до осязаемости убѣждается, что чуда не будетъ, что оно „отмѣняется впредь до увѣдомленія", а вмѣсто него дается „одинъ сплошной ужасъ".

И въ эти часы кошмарнаго пробужденія русскаго народа от дикаго сна, хочется сказать всѣмъ тѣмъ, кто позорилъ его за то, что онъ съ головой ринулся въ большевизмъ, какъ глубоко они были къ нему несправедливы.

Вѣдь когда „дикій", „темный" и „неграмотный" русскій народъ пускался въ свой большевистскій экспериментъ, то „опыта", убѣдительнаго для темныхъ умовъ, тогда еще въ мірѣ не существовало. Были только спекуляціи насчетъ вѣроятныхъ послѣдствій эксперимента, да еще при томъ спекуляціи впередъ заподозрѣнныхъ „буржуйныхъ" мыслителей.

Но почему же теперь, послѣ всѣхъ русскихъ ужасовъ, среди народовъ, кичащихся своей культурностью, своимъ образованіемъ и умомъ, такъ много охотниковъ повторить съ начала всю русскую благоглупость?

Видно у страдающаго человѣчества потребность вѣры въ чудо сильнѣе разума. Русскіе люди смѣло могутъ вернуть себѣ самоуваженіе и вѣру въ свой народъ: дѣлать глупости, да еще глупости завѣдомыя — вовсе не русская привиллегія.

У русскаго народа есть еще то преимущество, что онъ раньше всѣхъ другихъ проходитъ ту полосу безумія, который видимо никому не миновать.

Но если ложные энтузіазмъ и вѣра, внушенные народу большевиками, имъ нынѣ явно отбрасываются, то что же дальше?

Вѣдь безъ новой вѣры, безъ новаго взрыва, нынѣ уже творческой энергіи, путь для народа только одинъ — смерть.

Какіе же шансы за то, что возрожденный изъ пепла старый царизмъ способенъ влить въ Россію новую волю къ борьбѣ за счастье, а не принести ей внѣшнее спокойствіе могилы?

Почему именно онъ, доведшій Россію до отчаянія, съумѣетъ родить новый энтузіазмъ народный? Если онъ не передѣлается въ корнѣ по крайней мѣрѣ?

Какъ будто совсѣмъ наоборотъ: монархическая реставрація только увеличитъ раздоръ среди и такъ уже изстрадавшагося отъ братской розни русскаго народа.

Россія за 2½ года перепробовала всѣ виды политическаго устройства. Отъ абсолютизма, черезъ демократію и охлократію, она докатилась до всякаго сорта и вида диктатуръ, словомъ прошла весь циклъ политическихъ системъ, и ни отъ одной изъ нихъ не получила разрѣшенія волнующей ее проблемы.

Изъ этого безспорнаго факта надо имѣть мужество сдѣлать слѣдующіе 3 вывода:

1) что разрѣшеніе задачи — сдѣлать Россію счастливой и благоденствующей — вообще внѣ сферы чисто политическаго дѣйствія;

2) что у всѣхъ русскихъ политиковъ отъ монархистовъ до большевиковъ включительно, имѣется какой то общій грѣхъ, какія-то общія имъ всѣмъ ошибки, которыя послѣдовательно ихъ всѣхъ и доводили до банкротства, до утраты довѣрія народнаго, и

3) что эти общія ошибки надо искать не въ сферѣ политической идеологіи, а въ области психологіи и, особенно, въ области экономическихъ воззрѣній.

Въ чемъ же эти общія черты всѣхъ русскихъ политическихъ теченій выражались?

Во-первыхъ, всѣ они очень рѣдко поднимались до высоты пониманія общаго, всенароднаго, интереса. Рѣдко имъ удавалось, а многіе такъ и сознательно не стремились, достигать гармоническаго согласованія всѣхъ многоразличныхъ желаній, интересовъ и вожделѣній, которые существуютъ въ народѣ. Наоборотъ, большинство ихъ было склонно выступать адвокатами интересовъ частныхъ - классовыхъ, или, даже, групповыхъ. Сомнительная нѣмецкая теорія классовой борьбы, сознательно или безсознательно, но прочно засѣла въ русскіе политическіе мозги.

Во-вторыхъ, русскіе политики, въ сущности, очень мало уважали свой народъ, ибо плохо вѣрили въ его практическій разумъ, въ его способность самостоятельно устроить свое матеріальное благополучіе. Поэтому всѣ они склонны были деспотически принуждать народъ жить не своимъ умомъ, а по схемамъ, которыя для него разрабатывали они, „умные", люди.

Отсюда общая всѣмъ русскимъ политическимъ партіямъ органическая враждебность къ индивидуальному матеріальному творчеству, къ частной промышленно-торговой инициативѣ.

Мотивы, разумѣется, бывали разные, но сущность эконо-

мической политики всѣхъ русскихъ правительствъ сводилась къ знаменитой щедринской формулѣ: тащить и не пущать!

Монархія боялась буйнаго экономическаго расцвѣта страны, ибо отлично понимала, что разбогатѣвшій народъ потребуетъ дѣйствительнаго, а не декоративнаго въ родѣ 3-ье іюньской конституціи, участія въ политической власти. Поэтому неустранимое экономическое развитіе страны они стремились допустить уже предпочтительно въ формѣ полицейскаго соціализма, или такъ называемаго казеннаго хозяйства, а отнюдь не въ формѣ развитія частной промышленности и торговли.

Всѣ демократическія правительства находились во власти плохо ими понятой и плохо продуманной теоріи нѣмецкихъ доктринеровъ.

Начитавшись о классовой борьбѣ, они всѣ глубоко вѣрили, что совершенно необходимо насадить ее въ Россіи и добиться скорѣйшаго введенія соціализма или, по крайней мѣрѣ, приближенія къ нему — черезъ удушеніе частной инициативы.

Вѣдь преклоненіе передъ нѣмецкимъ умомъ въ Россіи было всегда прямо удручающее. Напр., въ самомъ началѣ войны, когда хлѣба всюду было вдоволь, одинъ изъ членовъ Г. Думы пресерьезно настаивалъ на необходимости и намъ портить муку и готовить „военный" хлѣбъ... ибо нѣмцы это дѣлаютъ.

Никто не давалъ себѣ труда дѣйствительно внимательно вчитаться въ исторію и вспомнить, что капиталистическій строй былъ выдуманъ не на пагубу, а во спасеніе, что былъ когда-то моментъ, когда его появленіе было даже и въ Западной Европѣ актомъ величайшаго прогресса, который привѣтствовался всѣми, какъ громадный шагъ впередъ, какъ избавленіе отъ изжившаго себя феодальнаго строя и натуральнаго хозяйства.

Никому и въ голову не приходило усомниться, да не находится ли Россія въ такой стадіи развитія, экономическаго и духовнаго, когда максимумъ благъ можетъ быть извлеченъ именно изъ капитализма.

Нѣтъ, на западѣ передовая мысль цѣликомъ занята обличеніемъ пророковъ и преступленій капиталистическаго строя. Слѣдовательно, и полудикой Россіи присталъ послѣдній крикъ моды — соціализмъ!

Блага, которыя Россія, какъ и другія страны, могла получить отъ развитія капиталистическаго хозяйства, всѣми забы-

вались, но за то тѣ недостатки, которые по теоріи должны обнаруживаться при этомъ строѣ, когда онъ самъ себя изживаетъ, всѣмъ были извѣстны наизусть.

Поэтому и для Россіи предписывался методъ леченія отъ снѣдающихъ ее экономическихъ болѣзней приблизительно равный по своей дѣйствительности методу леченія зубной боли черезъ отсѣченіе головы. Никто не задумался надъ тѣмъ, такъ ли велика непріятность отъ зубной боли, чтобы отказываться отъ пріятности имѣть голову на плечахъ.

Никто не желаетъ считаться съ тѣмъ, что блага, которыя капиталистическій строй даетъ народамъ, Россіей еще вовсе не получены, а непріятности еще вовсе не стали нестерпимыми.

Якобы, опираясь на научныя основанія, русскіе соціалисты и разные соціалистическіе подголоски забыли, однако, ту несомнѣнно научную истину, что для успѣха всякой реформы человѣческаго быта требуется наличіе соотвѣтственной экономической и психологической подготовки. Они не замѣтили того, что въ Россіи еще нѣтъ промышленности, а въ русскомъ народѣ — чувства гражданской отвѣтственности, сознанія необходимости и выгодности служенія общему дѣлу.

А это послѣднее обстоятельство фатально и заранѣе обрекало **всякую** соціалистическую попытку въ Россіи на неминуемый провалъ.

Однако, невозможно отрицать того, что соціалистическимъ увлеченіямъ русскаго общества есть простое и весьма удовлетворительное объясненіе.

Политическій гнетъ, которымъ царизмъ думалъ продлить свое существованіе, дѣлалъ вполнѣ обоснованнымъ и логичнымъ развитіе во всѣхъ слояхъ русскаго народа уклона въ сторону политическаго радикализма.

Такъ какъ, однако, одновременно, экономическій радикализмъ требовалъ того же политическаго радикализма, какъ необходимой практической предпосылки, то отсюда очень соблазнительно было заключить, что Россія, вполнѣ дозрѣвшая до политическаго радикализма, дозрѣла и до радикализма экономическаго.

Если разуменъ и жизненъ первый, то очевидно (?), де, назрѣлъ и второй.

Это смѣшеніе понятій рискуетъ отразиться особо траги-

чески на судьбѣ одной части населенія Россіи — на судьбѣ еврейскаго народа.

Нѣтъ въ мірѣ занятія болѣе консервативнаго, чѣмъ торговля.

Нѣтъ, въ то же время, націи, болѣе склонной къ торговлѣ и финансовымъ операціямъ, чѣмъ еврейство.

Между тѣм, то же еврейство выдѣлило изъ своей среды наибольшее въ процентномъ отношеніи количество соціалистовъ и при томъ соціалистовъ особенно воинствующаго типа.

Объяснить это противоестественное, явно несоотвѣтствующее индивидуалистическимъ склонностямъ еврейской народной души, явленіе можно только однимъ способомъ.

Вѣковая обида за политическія и бытовыя преслѣдованія естественно толкаетъ еврейскую молодежь въ сторону крайняго политическаго радикализма. Трудно вообразить себѣ еврея-обскуранта, который, предавая свою націю, идейно, а не ради случайнаго личнаго интереса, былъ бы противъ свободы, равенства и братства людей.

Но, попавши въ среду людей, которымъ политическая свобода была нужна лишь какъ почва проведенія въ жизнь ихъ экономическихъ идеаловъ, еврейская молодежь — несомнѣнно безсознательнымъ образомъ (ибо это было противно интересамъ еврейской націи, какъ цѣлаго) — солидаризировалась съ тѣми, кто боролся за идею полной перестройки экономическихъ отношеній на основаніяхъ, исключающихъ возможность личной наживы за счетъ чужого, болѣе тяжелаго труда.

Южный, сангвинистическій темпераментъ естественно загонялъ еврейскую молодежь въ самые крайніе ряды новой экономической религіи.

Отсюда и это огромное количество евреевъ среди большевиковъ.

Идейная основа большевизма — это вѣра въ силу насилія въ экономической сферѣ, въ возможность сдѣлать людей счастливыми вопреки ихъ волѣ, вопреки ихъ природѣ.

Отсюда и эти непрерывные большевистскіе „приказы": быть такому то экономическому явленію!

Отсюда и этотъ видъ духовнаго насилія, которымъ является всякій сознательный обманъ. А вѣдь только обманомъ и сознательной ложью можно было увѣрить русскаго мужика,

этого индивидуалиста и собственника до мозга костей, что онъ будто бы соціалистъ.

Когда большевистскій туманъ разсѣется, когда русскій народъ убѣдится въ томъ, насколько ему „не подходитъ" всякій соціализмъ, то легко можетъ родиться страшный, стихійный, гнѣвъ противъ тѣхъ, кто втянулъ его въ невыгодный для него соціалистическій экспериментъ и, въ первую голову, противъ соціалистовъ изъ евреевъ и евреевъ вообще.

Это конечно не оправданіе погромовъ, а только посильная попытка прослѣдить тотъ путь, которымъ одно насиліе родитъ другое.*)

А насиліемъ полна русская жизнь.

Свобода у всѣхъ на устахъ, а никто не хочетъ признавать свободы въ той сферѣ, которая близка и понятна для каждаго обывателя — въ сферѣ созиданія хозяйственнаго благополучія.

Свобода стачекъ — это почти аксіома.

Нѣкоторые высоколиберальные умы додумываются даже до свободы предпринимательскихъ локаутовъ.

---

*) Еврейскій вопросъ для возстановленной русской государственности представитъ величайшую остроту.

Никогда еще ни одинъ народъ, послѣ пережитыхъ потрясеній и разочарованій, не возвращался къ прозаической трудовой жизни, пока его чувство справедливости не было удовлетворено отысканіемъ и примѣрнымъ наказаніемъ „виновнаго".

Казнь Робеспьера, судъ надъ Маршаломъ Базеномъ, сверженіе кайзера или его апостолическаго величества — все это народамъ необходимо до зарѣзу. Народъ никогда не можетъ признать виновнымъ самого себя. Поэтому виноватаго приходится иногда явно придумывать, какъ это и было, напр. въ случаѣ съ Базеномъ.

Имѣется много указаній на то, что русскій народъ или, вѣрнѣе, нѣкоторая часть его, виновника своихъ злоключеній будетъ искать въ лицѣ евреевъ. Появленіе въ извѣстной средѣ попытки къ массовому истребленію евреевъ въ Россіи вещь не только вполнѣ возможная, но и весьма вѣроятная.

Демократическое правительство не можетъ отнестись безучастно къ такой чудовищной аберраціи народной мысли. Оно должно попытаться защитить еврейскую массу въ Россіи отъ попытокъ сдѣлать ее единственнымъ отвѣтчикомъ за всѣ ошибки и преступленія послѣднихъ двухъ лѣтъ.

Возстанавливающаяся русская государственность, по имѣющимся свѣдѣніямъ, твердой рукой не допускаетъ никакихъ антиеврейскихъ эксцессовъ и, конечно, будетъ ихъ подавлять тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ больше она будетъ укрѣпляться.

Будетъ она, конечно, и убѣждать народъ, въ томъ, чтобы для него, полутораста-милліоннаго колосса, позорна самая мысль о томъ, что онъ можетъ быть закабаленъ 5-ти милліоннымъ еврейскимъ народомъ, что

Совершать преступленіе противъ общаго блага, сокрашать производство націи въ моментъ особо острой общей нужды въ продуктахъ — можно, ибо этимъ достигается высокая (а почему не узко-эгоистическая?) цѣль „справедливаго" распредѣленія барышей.

Но попробуйте созидать эти барыши, строить дорогу, фабрику, производить торговлю, — дѣйствительно обогащать націю, и куда дѣнутся всѣ хваленые защитники свободы!

Для всего нужно разрѣшеніе, униженныя ходатайства, всестороннія многолѣтнія разсмотрѣнія и изученія, чтобы, чего добраго, созданное богатство не оказалось распредѣленнымъ не по всѣмъ правиламъ искусства!

Эта манія распредѣленія — и ничто другое — довела Россію до края могилы, до чудовищной нищеты, невѣдомой въ исторіи.

Ей нуженъ коренной пересмотръ идеаловъ, по которымъ строилась жизнь.

Первое, что Россіи нужно, — это раскабалить личность, а этой задачи революція 1917 г. отнюдь не разрѣшила, ибо,

---

бороться съ возможностью какого-то еврейскаго „засилья" надо способомъ культурнымъ — развитіемъ въ себѣ тѣхъ качествъ иниціативы, настойчивости, трудолюбія и взаимной поддержки, которыя составляютъ силу еврейства, а не физическимъ насиліемъ.

Но еврейство, надо думать само съумѣетъ энергично помочь правительству въ его стараніяхъ, рѣзко отмежуется отъ большевиковъ, само найдетъ пути и способы наглядно и убѣдительно для простыхъ русскихъ людей показать, насколько оно не солидарно съ евреями-большевиками и съ большевизмомъ, который ему не меньшій врагъ, чѣмъ Россіи, и насколько ему дорого возстановленіе русской государственности.

Гуманистическая и политическая сторона еврейскаго вопроса ясна и безспорна. Но въ данную эпоху хозяйственнаго распада Россіи особенное значеніе пріобрѣтаетъ сторона экономическая. Развѣ ужъ такой избытокъ у Россіи хозяйственно - творческихъ силъ, чтобы пренебрегать торговыми и финансовыми способностями еврейства? Великолѣпное Елизаветинское „отъ враговъ Христа не желаю интересной прибыли" — совсѣмъ не ко времени, когда народъ, по собственному неразумію, умираетъ съ голоду. Всѣ же опасенія еврейскаго экономическаго „засилія" столь же вздорны, какъ вздорны столь свойственныя всѣмъ малокультурнымъ націямъ опасенія хозяйственнаго засилія иностраннаго капитала. Между тѣмъ неизбѣжность привлеченія этого капитала — и теперь, послѣ большевистскаго озорства, увы, на несравненно болѣе тяжелыхъ, чѣмъ раньше, условіяхъ — ясна даже... большевикамъ.

Еврейская эксплуатація — это тоже одно изъ тѣхъ привычныхъ понятій, принимаемыхъ вульгарной мыслью за безспорную истину, которыя подлежатъ коренному пересмотру: не цѣннѣе ли для Россіи еврейскій организаціонный геній, чѣмъ безопасность отъ еврейской наживы?

едва освободившись отъ самодержавнаго давленія, личность въ Россіи попала въ удушающіе тиски соціалистическихъ теорій.

Россію сгубили ложныя экономическія воззрѣнія.

Слѣдовательно, и спасти ее можетъ только выработка экономическихъ воззрѣній разумныхъ, соотвѣтствующихъ наличному ея хозяйственному укладу и состоянію.

Даже не война, какъ политическое явленіе, начала развалъ Россію. Пролитую кровь, могилки героев, страна скоро бы позабыла. Нестерпимо больно, по каждому нерву, ударило экономическое слѣдствіе войны — сокращеніе производства всего, что нужно народу въ его будничной жизни. Начались физическія страданія отъ товарнаго голода.

На народъ, въ безуміи его охватившемъ, отвергъ тотъ единственный путь, который могъ его вывести изъ бѣды національнаго недопроизводства, — путь усиленія этого производства. Онъ предпочел болѣе легкій и скорый путь раздѣленія наличныхъ благъ.

Быть можетъ, этотъ методъ и далъ бы что-нибудь въ странахъ богатыхъ, вѣками свободнаго хозяйственнаго творчества накопившихъ большія количества цѣнностей. Но въ нищей Россіи он могъ дать только то, что далъ: народъ, два года обманывавшій себя дождемъ кредитокъ, докатился до предѣловъ нищеты и отчаянія. Весьма любопытно отмѣтить, что въ Россіи рабочій, этотъ „любимчикъ" соціалистическаго строя, оплачивается хуже, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ. Наивысшая плата, о которой сообщалось — 40 руб. въ день. А это въ переводѣ на иностранную валюту составляетъ въ Россіи уже только 1 долларъ, а въ переводѣ на покупательную силу довоеннаго рубля — въ зависимости отъ мѣстности, 1 рубль и даже менѣе того въ день. Стоило из-за такого „благополучія" соціальную революцію устраивать!

Очевидно для всѣхъ, что надо начинать какую то новую жизнь, а для этого создавать какую то группировку всѣхъ творческихъ силъ, группировку свободную отъ грѣховъ и ошибокъ, которые довели до банкротства въ глазахъ народа всѣ существующія русскія политическія партіи безъ изъятія. Недаромъ на второй годъ усиленнаго увлеченія всякой политикой въ Россіи такая бездна „безпартійныхъ", т. е. людей, которые не удовлетворены ни одной существующей партійной программой.

Каковы же должны быть основныя черты новой группировки, новой, если хотите, партіи?

Во-первыхъ, надо учесть, что вопросы чисто политическіе получаютъ, при наличныхъ условіяхъ, значеніе опредѣленно второстепенное въ глазахъ подавляющей части населенія.

Будетъ ли разрѣшено газетчикамъ болтать что угодно, или за извѣстными исключеніями, будутъ ли митинги происходить совершенно свободно, или съ разрѣшенія начальства и въ присутствіи городового, будетъ-ли существовать, или нѣтъ, пропорціональная система выборовъ, создающая засиліе партійныхъ комитетовъ въ странѣ отнюдь еще не разбившейся **сознательно** на партіи, будутъ ли избирательныя права у элементов „завѣдомо анти-государственныхъ", или нѣт — ко всему этому масса населенія будетъ глубоко безразлична и изъ за такихъ вопросовъ никто на барикады не пойдетъ.

Поэтому и новая группировка вопросу политическому должна отдавать минимумъ вниманія и энергіи.

Обыватель хочетъ одного — чтобы былъ городовой, который оградилъ бы честнаго труженика отъ насилія преступниковъ, чтобы воры, грабители, убійцы, словомъ всѣ элементы, склонные строить свое благополучіе на голой обидѣ другихъ гражданъ, были водворены обратно въ тюрьмы.

При такомъ настроеніи массъ народныхъ, легко можетъ проложить себѣ путь къ власти политическая реакція.

Новая группировка должна помнить уроки исторіи и знать, что еще никогда реакція не создавала базы для энергичнаго и **прочнаго** хозяйственнаго творчества народнаго.

Поэтому всѣ либеральныя политическія требованія должны быть твердо начертаны на знамени партіи.

Во-вторыхъ, послѣ печальнаго опыта недавняго прошлаго, новая группировка должна усвоить себѣ, что основнымъ объектомъ заботъ долженъ быть весь народъ въ совокупности, а не какая-либо его часть.

Предпочтеніе рождаетъ зависть, зависть — гнѣвъ, а гнѣвъ — борьбу и разрушеніе.

А голой Россіи прежде всего нужно творчество.

Безнадежны всѣ попытки втиснуть въ однѣ узкія рамки органически противорѣчивые интересы рабочаго и крестьянина, города и деревни. Ихъ надо согласовать, добиться минимума обиды для каждой стороны, а не пытаться облыжными увѣре-

ніями въ общности интересовъ подъ шумокъ словъ подчинять одну часть населенія другой. Надо всѣ интересы выявить и найти ихъ равнодѣйствующую.

Идеаломъ должна быть не стачка, а — арбитражъ, не борьба, а — сговоръ.

Верховный хозяинъ земли Русской — весь народъ и каждый его членъ, а не отдѣльные шумливые диктаторики.

Основной вопросъ Россіи лежитъ сейчасъ въ сферѣ хозяйственной.

Поэтому третьей **основной** задачей новой группировки должна быть выработка и привитіе народу здравыхъ, соотвѣтствующихъ его дѣйствительному интересу, экономическихъ воззрѣній.

Задача эта трудна до чрезвычайности, ибо даже изъ среды, весьма, казалось бы, умѣренной и уже вовсе не соціалистической, выдвигаются, даже нынѣ, лозунги невѣроятной узкости и непониманія желаній и нуждъ народа.

Такъ, нѣкоторые продолжаютъ твердить, что основными задачами русской экономической политики должны быть слѣдующія три: —

побольше производить,
поменьше ввозить и
побольше вывозить.

Этотъ перепѣвъ старой формулы Вышнеградскаго „сами жрать не будемъ, а вывозить будемъ" можетъ вызвать энтузіазмъ въ узкомъ кругу владѣльцевъ существующихъ уже въ Россіи промышленныхъ предпріятій, но уже ни въ коемъ случаѣ не приведетъ въ восторгъ подавляющую часть русскаго населенія, страдающую отъ безтоварья и безработицы.

Каждый русскій человѣкъ, спрошенный объ его идеалѣ экономической политики Россіи на ближайшее будущее, несомнѣнно отвѣтитъ, что прежде всего онъ хотѣлъ бы:

1. **Чтобы Россія ввозила побольше пищи и потребительскихъ товаровъ,** — дабы русскій обыватель могъ не умирать съ голоду и не прикрываться шкурами несуществующихъ дикихъ звѣрей.

2. **Чтобы Россія ввозила побольше машинъ,** — дабы поскорѣе началось русское производство всего, что народу нужно, и

3. **Чтобы Россія побольше ввозила капиталовъ,** —дабы на-

конецъ, были сфинансированы и русскій **народный трудъ,** и русскія, втунѣ лежащія, естественныя богатства.

Какъ эти разумныя, здоровыя, пожеланія людей, желающихъ существовать и процвѣтать, покрыть лозунгомъ: „поменьше ввозить"?

Этотъ лозунгъ обрекаетъ дѣло возрожденія Россіи на такую узкость масштаба, которая не соотвѣтствуетъ, ни величію Россіи, ни размѣру ея задачъ, ни тяжести ея страданій.

Такимъ путемъ скоро не излечить хозяйственныхъ страданій націи.

Долженъ быть забытъ старый лозунгъ: **Черезъ активность торговаго баланса** (нынѣ абсолютно недостижимую)—**къ активности разсчетнаго баланса** — этому идеалу благоденствія націи.

Вмѣсто него, долженъ быть принятъ новый лозунгъ: **„черезъ гигантскую пассивность разсчетнаго баланса къ активному торговому, а затѣмъ и разсчетному балансу"**.

Русскій народъ, за годы большевистской свистопляски промотавшій свой, и такъ не большой, капиталъ и промышленную энергію, можетъ мечтать о скоромъ возрожденіи лишь въ одномъ случаѣ — если удастся получить кредитъ у другихъ націй, кредитъ деньгами, машинами, энергіей, организаціей и дисциплиной.

Какъ разорившійся купецъ не можетъ съ пустой кассой начать новое дѣло, такъ и разорившая себя нація не можетъ голыми руками вывести вновь зданіе своего матеріальнаго благополучія.

Поэтому все, **рѣшительно все,** что стоитъ на пути свободнаго тока въ Россію иностраннаго капитала и иностранной энергіи, должно быть безпощадно убрано, ибо сейчасъ въ области хозяйственной у Россіи нѣтъ задачи болѣе важной, чѣмъ финансированіе и **энергизація національнаго труда.**

Относительно способовъ веденія національнаго хозяйства, Россія должна начисто отказаться отъ всякихъ мечтаній о національизаціи, соціализаціи и т. п. видахъ „казеннаго хозяйства".

Понудить ее на такое рѣшеніе должны не какія либо теоретическія соображенія и даже не тотъ фактъ, что за послѣдній годъ рабочіе и служащіе національизованныхъ предпріятій, и не въ одной Россіи, а всюду, обнаружили неудержимое стрем-

леніе превращаться въ подлинныхъ „мірскихъ захребетниковъ" — пенсіонеровъ казны, которая вынуждается ими покрывать дефициты казенныхъ хозяйствъ изъ общенародныхъ средствъ.

Рѣшеніе должно быть принято въ силу чисто практическаго соображенія о томъ, что казенное хозяйство требуетъ чиновниковъ, а хорошихъ чиновниковъ Россія не можетъ имѣть много, много лѣтъ.

Тѣ основы, на которыхъ зиждилась возможность имѣть до революціи чиновничество, относительно, весьма приличное, — дворянская традиція, чины, ордена, пенсія — революціей сметены и едва ли не навсегда.

Чѣмъ же государственная служба будетъ приманивать къ себѣ людей?

Все, что есть въ странѣ энергичнаго, толковаго, трудоспособнаго, окончательно уйдетъ въ „частныя" дѣла, гдѣ и оклады и надежды на будущія выгоды всегда будутъ выше, чѣмъ въ казнѣ.

Правительственная власть будет имѣть возможность разсчитывать лишь на очень ограниченный, значительной меньшій, чѣмъ прежде, контингентъ дѣльныхъ и порядочныхъ людей, а потому прямое практическое благоразуміе должно толкать на всемѣрное сокращеніе потребности въ чиновникахъ, т. е. въ первую голову на ликвидацію всякихъ правительственныхъ хозяйственныхъ потугъ. И до революціи въ нихъ не всегда все было чисто, нынѣ же всякое лишнее „правительственное мѣсто" будетъ неминуемо лишнимъ притономъ взяточниковъ и казнокрадовъ.

Если уже большевистское правительство, которое имѣетъ въ своемъ распоряженіи фанатиковъ идеи и не стѣсняется въ способахъ наказанія, не могло справиться съ этимъ зломъ, то еще менѣе будетъ эта задача посильна всякому другому, болѣе умѣренному правительству.

Буквально того-же всемѣрнаго сокращенія числа чиновниковъ требуютъ и элементарныя бюджетныя соображенія. Возстановить русскіе государственные финансы и государственный кредитъ можно только самой безпощадной скаредностью чисто коковцевскаго стиля. Хозяйственныя операціи требуютъ займовъ, а государству придется и безъ того много занимать на сведеніе бюджета. Займы же становятся тѣмъ легче

достижимыми и тѣмъ болѣе дешевыми, чѣмъ менѣе къ нимъ дебиторъ прибѣгаетъ.

То рѣшеніе, которое полуилъ въ Россіи аграрный вопросъ, всего менѣе можетъ быть названо мудрымъ. Насиліе надъ землевладѣльцами, даже вплоть до полной конфискаціи безъ вознагражденія, еще можно было бы, пожалуй, оправдать, если бы этимъ путемъ было достигнуто увеличеніе національнаго благосостоянія въ цѣломъ и болѣе справедливое распредѣленіе благъ между гражданами съ оказаніемъ помощи наиболѣе обездоленнымъ.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, русское аграрное движеніе привело къ колоссальному пониженію хлѣбной производительности страны, т. е. къ пониженію національнаго, а слѣдовательно, въ томъ числѣ и крестьянскаго дохода, съ одной стороны, и къ достаточно не справедливому распредѣленію земли — съ другой.

Захватывая насильственно землю, крестьяне не могли, естественно, насильственно же унаслѣдовать помѣщичьи знанія и преимущества веденія хозяйства въ крупномъ маштабѣ. Къ этому прибавилось еще уже совершенно дикое уничтоженіе живого и мертваго инвентаря. Въ результатѣ, не только значительное количество земли оказалось вовсе не обработанной— это еще явленіе временное — но и на всей остальной бывшей помѣщичьей землѣ стали примѣняться и будутъ очень долго примѣняться неэффективные методы крестьянскаго хозяйства. Вслѣдтсвіе этого, въ весьма многочисленныхъ случаяхъ весь **валовой доходъ** крестьянъ отъ захваченной земли теперь значительно ниже **расходовъ** помѣщиковъ по обработкѣ этой же земли, т. е. viceversa дореволюціоннаго **чистаго дохода** тѣхъ же крестьянъ отъ той же земли. Вѣдь до революціи помѣщики весьма часто снимали съ совершенно одинаковой земли урожаи въ 2, 3 раза выше урожая крестьянскаго.

Сверхъ сего, въ виду крайней неравномѣрности распредѣленія помѣщичьей и казенной земли по отдѣльнымъ губерніямъ, полученіе крестьянами добавочнаго надѣла оказалось до чрезвычайности неравномѣрнымъ и далеко не всегда соотвѣтствующимъ земельной нуждѣ.

Такъ какъ устранить эту „несправедливость” полностью нѣтъ рѣшительно никакой возможности — крестьяне скорѣе бывшимъ помѣщикамъ землю вернутъ, чѣмъ подѣлятся съ

крестьянами другой губерніи, — то и весь аграрный вопросъ надо извлечь изъ сферы исканія „справедливости" и рѣшать его исключительно подъ угломъ зрѣнія повышенія національной производительности.

Теоретически говоря, добиться правильной парцеляціи земли и перехода ея въ руки тѣхъ, которые не только жаждутъ ее имѣть, но и могутъ ее хорошо обрабатывать, можно только однимъ путемъ: вернуть землю помѣщикамъ и ввести жестоко прогрессивный поземельный налогъ, т. е. заставить десятки тысячъ интересовъ работать надъ раціональной ликвидаціей крупнаго землевладѣнія.

Къ сожалѣнію, такое рѣшеніе вопроса было вполнѣ возможно до революціи, но практически невозможно теперь, послѣ фактическаго захвата большинства помѣщичьихъ земель. Его нужно примѣнить только именно къ незахваченнымъ землямъ.

Но примѣненіе этого рѣшенія къ землямъ, уже захваченнымъ, будетъ несомнѣнно противорѣчить основной задачѣ скорѣйшаго повышенія національной хлѣбной производительности, ибо отдалить моментъ ликвидаціи неустойчивости земельныхъ отношеній.

Остается только одинъ вѣрный путь: легализировать захватъ, закрѣпить землю **въ личную собственность** и форсировать (путемъ налоговыхъ льготъ) выходъ на отруба.

Единственно только убѣдивши крестьянина до осязаемости наглядно въ томъ, что данный кусокъ — его и ни при какихъ условіяхъ не будетъ у него отнятъ, можно родить въ немъ то чувство увѣренности въ будущемъ, которое является необходимой психологической базой для развитія вкуса къ труду, къ созданію собственнаго, — а черезъ то и національнаго — благополучія.

Никакая община, никакая коммуна стимуломъ для возбужденія крестьянской энергіи послужить не можетъ, а потому органически противорѣчитъ основнымъ цѣлямъ и задачамъ разрѣшенія аграрнаго вопроса въ Россіи.

Параллельно съ закрѣпленіемъ земли въ частную крестьянскую собственность, и опять таки въ цѣляхъ устраненія препятствій къ развитію національной производительности, необходимо ввести принципъ горной свободы, лишить крестьянъ правъ на нѣдра и ввести принудительное отчужденіе поверхно-

сти, необходимой для горныхъ разработокъ, аналогичное существующему въ Россіи принудительному отчужденію земель подъ желѣзныя дороги.

Особенная энергія должна быть проявлена въ защитѣ отъ истребленія русскихъ лѣсовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что, если неудастся отстоять отъ захвата крестьянами обширные казенные и частновладѣльческіе, особенно принадлежащіе лѣсопромышленнымъ и горнымъ компаніямъ, лѣса, то Россія черезъ немного лѣтъ окажется безъ лѣса и съ колоссальными засухами. Хищническое отношеніе русскихъ крестьянъ къ лѣснымъ богатствамъ общеизвѣстно и оно является слишкомъ очевиднымъ и большимъ зломъ, чтобы государственная власть могла съ нимъ не бороться.

По рабочему вопросу новая политическая группировка должна твердо усвоить себѣ ту точку зрѣнія, что рабочій классъ въ совокупности не можетъ быть сдѣланъ отвѣтственнымъ за неразуміе и преступленія господъ диктаторовъ пролетаріата.

Такъ же неумно отказывать рабочимъ въ прогрессивномъ законодательствѣ, когда неумна была попытка создать засиліе рабочаго класса.

И старость, и болѣзнь, не должны, быть болѣе необезпеченными. Въ періодъ безработицы рабочіе не могутъ выбрасываться на улицу. Рабочему надо обезпечить человѣческое жилье. Организація рабочихъ должна допускаться совершенно свободно, пока она не угрожаетъ свободѣ и благоденствію другихъ классовъ населенія.

Но если рабочій классъ перестанетъ уважать и охранять права и интересы народа, какъ цѣлаго, то этому эгоизму долженъ быть положенъ предѣлъ.

Страну нашу явно охватила апатія къ труду. Безумно было бы допускать законодательство, поощрающее эту апатію и препятствующее борьбѣ съ ней.

Когда благо всего народа требуетъ, чтобы рѣшительно каждый принесъ весь тотъ запасъ энергіи, на который онъ способенъ, всякая борьба за отмѣну сдѣльнаго и преміальнаго вознагражденія и т. п. должна быть названа тѣмъ, что она есть, т. е. борьбой за право на лѣнь и тунеядство за чей то чу-

жой счетъ — подлиннымъ государственнымъ преступленіемъ, преступленіемъ противъ всего народа въ совокупности.

Въ русскомъ народѣ, для его же собственнаго возрожденія, надо развивать вкусъ къ труду, а не вкусъ къ лѣности. Послѣдняго у насъ довольно отъ природы, прибавилось за время революціи и не приходится терпѣть его дальше.

За всѣмъ, что есть въ странѣ талантливаго, трудоспособнаго, трудолюбиваго и честно относящагося къ своимъ обязанностямъ, должно быть возстановлено право на поощреніе. Иначе будетъ продолжаться большевистское равненіе всѣхъ по самому лѣнивому, бездарному и безчестному.

Съ этим извращеніемъ природы рабочаго вопроса надо кончить.

Наконецъ, на новой политической группировкѣ будетъ лежать тяжелая задача ликвидаціи самаго тяжелаго наслѣдія отъ періода увеличенія насажденіемъ пролетарскаго рая на землѣ — ликвидаціи разстройства денежной системы.

На знамени новой партіи должно быть твердо начертано оздоровленіе денегъ и недопущеніе обезцѣненія ихъ вновь.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, какъ это въ Россіи политическая партія однимъ изъ основныхъ пунктовъ своей платформы можетъ поставить денежную реформу: это де вѣроятно въ какой то дѣлецкой Америкѣ, а не въ идеалистической Россіи.

Весьма многіе не усваиваютъ себѣ до сихъ поръ, ни значенія, ни размѣровъ произведеннаго соціалистическими экспериментаторами обезцѣненія русскаго рубля.

Смыслъ обезцѣненія рубля сводится къ тому, что классъ, который продолжаетъ понемногу производить, постепенно сосредоточилъ у себя, въ обмѣнъ на продукты своего труда, бумажки, цѣна которыхъ падаетъ ежедневно. Этотъ классъ — крестьянство — не можетъ не сознавать, что его безсовѣстно обманули и при этомъ въ той хозяйственной сферѣ, которая вполнѣ доступна его пониманію и ему особенно дорога и близка.

Россія — страна мужицкая. Строя новую Россію, этого нельзя забывать ни на минуту и съ душенастроеніемъ крестьянства надо считаться серьезно, а не походя.

Гнѣвъ крестьянства можетъ легко распространиться дале-

ко за предѣлы экономическихъ отношеній. Ограбленное идеологами экономическаго радикализма крестьянство легко можетъ обратить свой гнѣвъ и на радикализмъ политическій и вспомнить, что „при царѣ такого не бывало".

Политической реакціи надо бояться именно отсюда, а не отъ кучекъ подгулявшихъ офицеровъ, которые своими вокальными упражненіями вызываютъ слишкомъ много разговоръ, вредныхъ въ первую голову имъ же самимъ и ихъ патріотическимъ задачамъ нефантастическаго свойства.

Страданія крестьянства отъ обезпеченія денегъ еще далеко не закончены. Дѣло въ томъ, что сейчасъ фактически въ обращеніи находится лишь незначительная часть выпущенныхъ денегъ.

Во-вторыхъ, большевистскій фарсъ съ національзаціей банковъ загналъ въ подполье деньги культурныхъ людей, которые умѣли находить своимъ деньгамъ производительное примѣненіе, несли ихъ въ банки, а теперь прячутъ.

Во вторыхъ, огромное количество денегъ, десятки милліардовъ, находятся въ рукахъ крестьянъ, которые знаютъ только одно примѣненіе денегъ — вымѣниваніе ихъ на товары, а теперь, за отсутствіемъ товаровъ, зарываютъ ихъ въ землю буквально.

Стоитъ только маломальски возстановиться порядку, открыться банкамъ, возстановиться торговлѣ, какъ ежедневно начнутъ **фактически** выпускаться въ обращеніе сотни милліоновъ нынѣ какъ бы не существующихъ денегъ.

Начнется галопирующее дальнѣйшее обезцѣненіе денегъ, а слѣдовательно переоцѣнка всѣхъ реальныхъ цѣнностей на новую обезцѣненную единицу. На этой почвѣ возникаетъ чудовищная спекуляція. Средствъ бороться съ ней нѣтъ никакихъ, ибо основа ея неустранима: переоцѣнку произвести необходимо.

Кромѣ сего, потребность находить работу деньгамъ всегда рождаетъ при денежной инфляціи нездоровое грюндерство, т. е. сознаніе такихъ предпріятій, которыя не имѣютъ данныхъ нормально работать и развиваться и создаются лишь въ спекулятивно биржевыхъ цѣляхъ. Обычный конецъ всѣхъ подобныхъ увлеченій грюндерствомъ — крахъ.

Такъ какъ выпускъ бумажныхъ рублей достигъ небывалыхъ въ исторіи размѣровъ, то и спекуляція, и грюндерство, и крахъ

будутъ тоже поистинѣ грандіозными, небывалыми. Захвачены ими будутъ милліоны людей, ибо желаніе „поправить обстоятельства" будетъ всеобщимъ.

Подобный крахъ не можетъ не имѣть послѣдствій политическихъ. Онъ легко можетъ вылиться въ новый взрывъ большевизма, подавленіе котораго будетъ опять стоить цѣлаго моря крови.

Поэтому всякая партія, желающая Россіи долгихъ лѣтъ спокойнаго, здороваго развитія, не можетъ не считать своей первѣйшей задачей скорѣйшее оздоровленіе денежной системы.

Къ сожалѣнію, девальвація, особенно такая, которая потребуется Россіи, т. е. не менѣе 1:40 или 1:50, весьма болѣзненно воспринимается неселеніемъ, когда ему не уясненъ весь ея смыслъ и значеніе и прямая выгодность покончить со старыми грѣхами.

При извѣстныхъ условіяхъ попытка произвести девальвацію можетъ стоить правительству существованія.

Недаромъ Ленинъ, которому она нужна не менѣе, чѣмъ кому другому, и который уже не мало о ней говорилъ, на нее не рѣшается.

Нужно, чтобы населеніе само раньше увѣровало въ полную невозможность возстановить цѣну денегъ **ни при какихъ условіяхъ.**

Только тогда оно безропотно снесетъ оформленіе неизбѣжнаго.

Поэтому новой политической группировкѣ надо сразу приложить всѣ свои усилія для психологической подготовки девальваціи. Для однихъ правительственныхъ органовъ эта задача совершенно непосильна, а скорѣйшее ея разрѣшеніе не только сдѣлаетъ вновь возможнымъ притокъ столь намъ нужныхъ иностранныхъ капиталовъ, но и избавитъ Россію отъ новыхъ совершенно ненужныхъ тяжкихъ испытаній.

Но если бы даже новой политической группировкѣ удалось справиться и съ этой чрезвычайно трудной проблемой, болѣе того, если бы ей удалось провести въ жизнь всю свою экономическую и политическую программу, все же она не могла бы считать свою задачу выполненной.

Ей предстоитъ еще несравненно болѣе трудная работа въ области воздѣйствія на самую психологію русскаго народа.

Надо какъ то затушить разбушевавшуюся на Руси злобу и ненависть. Надо какъ то успокоить душу народную, родить въ ней энтузіазмъ великой любви, братскаго взаимнаго прощенія.

На вѣчномъ пролитіи братской крови прочнаго счастья народа не построить.

Надо съумѣть крикнуть народу громкое слово: Безумцы, остановитесь! Во имя чего, ради чего льете вы кровь?

Надо показать народу, какія проявленная имъ слабость духа накликала на родину незаслуженныя обиды, оскорбленія, издѣвательства.

Надо разбудить заснувшую гордость народную, заставить народъ вернуть себѣ почетное мѣсто въ семьѣ другихъ цивилизованныхъ націй.

Тогда только новая партія въ правѣ будетъ считать себя не только партіей защиты свободы народнаго труда и творчества, но и партіей народной гордости, т. е. партіей **народной въ** благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Потребность въ такой партіи есть величайшая.

За затрепанными знаменами партій, проболтавшихъ и профантазировавшихъ Великую Россію, народъ не пойдетъ.

Если же не дать ему новаго знамени, не открыть передъ нимъ новыхъ свѣтлыхъ и ясныхъ перспективъ, то не красна будетъ его доля: послѣ ужасной анархіи неминуемо придетъ полоса мрачной апатіи и реакціи.

Друзья и печальники русскаго народа — русская интеллигенція — должна, наконецъ, пересмотрѣть всѣ старыя вѣрованія, программы, лозунги, попытаться уяснить себѣ, что въ нихъ было ложнаго, не нужнаго народу, что, въ конечномъ итогѣ, привело народъ къ тому, что онъ пересталъ слушаться людей, искренно и безкорыстно его любившихъ, и пошелъ за людьми, для которыхъ онъ былъ лишь игрушкой страстей и дикихъ фантазій.

Вина трагическаго расхожденія интеллигенціи и народа не можетъ лежать на одномъ народѣ.

Образованіе „Народной Партіи" съ устраненіемъ всѣхъ старыхъ интеллигентскихъ ошибокъ и увлеченій — есть дѣло вполнѣ назрѣвшее.

Болѣе того, это самое главное, что намъ сейчасъ нужно.

Разбушевавшейся стихіи народной надо уготовить прочное русло, а однѣ полицейскія рогатки никакого русла создать не могутъ. За „Народной" арміей должна слѣдомъ идти „Народная" партія съ новыми, жизненными, идеалами, съ новымъ громкимъ кличемъ къ русскому народу. — **Русь! за трудъ, за творчество, за любовь, за возрожденіе великой, гордой Россіи!**

1 Іюня, 1919 г.

ОКРАИННЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССІИ.

Однимъ изъ самыхъ острыхъ, въ настоящее время, вопросовъ чистой политики является вопросъ національный, вопросъ Россійской федераціи или отдѣленія отъ Россіи ея окраинъ.

Возникновеніе этого вопроса обусловлено цѣлымъ рядомъ причинъ частью вполнѣ серьезныхъ, а частью весьма сомнительнаго свойства.

Основной источникъ появленія національныхъ центробѣжныхъ стремленій несомнѣнно духъ противорѣчія: императорское правительство увлекалось централизаціей и руссофикаціей, слѣдовательно, (?) истина и счастье заключаются въ удаленіи отъ центра и русской культуры вплоть до полной „самостоятельности". Въ большинствѣ случаевъ самостоятельность эта можетъ быть мыслима, однако, именно только въ кавычкахъ: настолько она эфемерна по чисто экономическимъ и другимъ причинамъ.

Напримѣръ, о какой дѣйствительной самостоятельности можно говорить въ отношеніи Литвы? „Страна" безъ угля, желѣза, сахара, хлопка, мануфактуры и т. п. и съ малоплодородной почвой, безъ минеральныхъ богатствъ! Совершенно очевидно, что в подобныхъ случаяхъ идея національнаго обособленія продиктована не дѣловымъ обсужденіемъ дѣйствительнаго интереса фаворизируемой народности, а увлеченіями сомнительной основательности. Только немного подумавши серьезно, всѣ подобныя новыя „страны" сами быстро откажутся отъ отдѣленія отъ Россіи, сообразивъ, что дѣйствительная ихъ „независимость" физически невозможна, что, отдѣлившись отъ Россіи, онѣ могутъ только стать фабрикой для заготовки чернорабочаго эмиграціоннаго матеріала для Америки и Пруссіи и полемъ для иностранныхъ интригъ.

Отмѣчаются, наоборотъ, случаи возникновенія сепарастическихъ стремленій на почвѣ открыто своекорыстныхъ вождѣленій. Слишкомъ заманчиво „держать въ рукахъ" весь колоссальный русскій Hinterland черезъ контролированіе вывозныхъ портов или такого мѣстнаго (?) богатства, какъ, напримѣръ, нефть.

Въ подобныхъ случаяхъ идеалистическое начало „самоопредѣленія" можно сказать тонетъ въ широтѣ и глубинѣ чисто „дѣловыхъ" соображеній. Такія „страны" дѣйствительно могутъ существовать самостоятельно, но, къ сожалѣнію, только за счетъ потери экономической самостоятельности основной массой населенія Россіи. Можно ли, однако, серьезно вѣрить, что эти десятки милліоновъ захотятъ долго оставаться въ подчиненной роли и не вспомнятъ въ одинъ прекрасный день, что ихъ дѣды и прадѣды не зря, не изъ озорства, столѣтіями проливали русскую кровь, пробивая Россіи свободный путь къ морю, что была въ этой традиціонной политикѣ Россіи, и логика, и сила неустранимой экономической необходимости.

Когда столкнутся два стремленія къ „самоопредѣленію" — 80 милліоновъ великорусскаго населенія, которому дышать нельзя безъ морскихъ портов и 1½ милліоновъ эстонцевъ, которымъ, конечно, пріятно и небезвыгодно имѣть 80 милліоновъ экономическихъ рабовъ, то едва ли сами эстонцы не почувствуютъ быстро полное отсутствіе не только экономиче-

скаго, но и всякаго моральнаго базиса подъ ихъ сепаратизмомъ, а почувствовавъ это, — едва ли и сами не забросятъ идею своей самостоятельности, которой они, кстати, никогда и не имѣли.

Весьма сильнымъ элементомъ въ сепаратистскія тенденціи входитъ откровенный политическій карьеризмъ. Сколько однихъ министерскихъ мѣстъ откроется при растерзаніи Россіи на десятки эфемерныхъ республикъ!

Есть, однако, въ центробѣжныхъ стремленіяхъ въ Россіи и здоровая основа. За новое построеніе Россійскаго государства говоритъ цѣлый рядъ дѣйствительно серьезныхъ и не поддающихся оспариванію соображеній. Въ порядкѣ ихъ серьезности они будутъ:

1. Невозможность управлять россійскимъ колоссомъ изъ одной точки и необходимость, въ силу этого, отнести на мѣста разрѣшеніе рѣшительно всѣхъ вопросовъ, не имѣющихъ подлинно общегосударственнаго характера;

2. Крайняя выгодность именно съ государственной точки зрѣнія, чтобы въ душѣ русскаго человѣка, между любовью къ домашнему очагу и любовью къ своей необъятной странѣ умѣщалась еще и любовь къ своей „колокольнѣ", къ своей округѣ, къ своей маленькой народности. Оттого и не выдержалъ испытанія всероссійскій патріотизмъ, что для большинства русскихъ крестьянъ весь міръ кончался за поскотиной, что Россія въ совокупности была слишкомъ велика, чтобы быть постижимой и близкой, безконечно дорогой, а патріотизма мѣстнаго, губернскаго, или областного, кототорый подготовлялъ бы къ патріотизму всероссійскому, не было на лицо вовсе;

3. Нужда до безконечности въ цѣлой школѣ государственныхъ дѣятелей. Россія царская брала ихъ изъ Лицея и Училища Правовѣдѣнія, а Россія демократическая вынуждена брать ихъ прямо отъ сохи. Гдѣ же тутъ было образоваться привычкѣ государственно мыслить и дѣйствовать? При всей уродливости штатнаго законодательства въ Америкѣ, поскольку дѣло касается, напримѣръ, области гражданскаго права, нельзя, однако, не сознавать колоссальной общегосударственной важности самаго существованія Штатныхъ Палатъ, ибо здѣсь на живомъ дѣлѣ вырабатываются настоящіе люди для руководства государственно-политическими дѣлами всѣхъ штатовъ въ совокупности. Нѣчто подобное жизненно необходимо и для Россіи. Россійскіе „штаты" надо какъ то выдумать, хотя ихъ въ натурѣ несомнѣнно и нѣтъ;

4. Необходимость дать какой то выходъ для нѣсколько переразвившихся въ Россіи за время революціи политическихъ честолюбій. Всякая энергія, если она не находитъ себѣ планомѣрнаго и разумнаго употребленія, неминуемо вырождается въ силу разрушительную. Всякое же нахожденіе при реальномъ дѣлѣ незамѣтно рождаетъ консерватизмъ, особливо необходимый русской душѣ, столь склонной ко всяческому максимализму, къ критикѣ съ плеча.

Въ силу всего изложеннаго, сохранить прежнія формы управленія Россіей нельзя и нежелательно. Но какъ планировать новое устройство?

Построить Россійскую федерацію на національномъ принципѣ очевидно невозможно. Этому воспрепятствуютъ неустранимыя причины арифметическаго и географическаго свойства. Смѣшно и думать, чтобы даже Сибирская Дума — не говоря уже о какой то Велико или Малороссійской — согласилась долго разговаривать „какъ равный съ равнымъ" съ Учредительнымъ Собраніемъ Грузіи или Крыма.

Русскіе окраинные сепаратисты въ своемъ стремленіи отстоять мѣстный интересъ, совершенно упускаютъ изъ вида, что тотъ періодъ, когда государства создавались по династическимъ, религіознымъ или національнымъ соображеніямъ, давно уже человѣчествомъ изжитъ. Надо всѣмъ царитъ экономика. А экономика требуетъ крупныхъ государственныхъ объединеній съ подчиненіемъ всѣхъ мелкихъ, частныхъ интересовъ интересу крупнаго цѣлаго. Ей нуженъ миръ, а множество мелкихъ государствъ дѣлаетъ миръ невѣроятнымъ.

Воспріявши идею балканизаціи Россіи, надо считать неизкѣжнымъ и основное свойство балканской жизни — непрерывную войну.

Создавши же изъ Россіи новую Австро-Венгрію, надо ожидать и судьбы Австро-Венгріи — распада. Недаромъ русскія окраины, только вступивши на путь отдѣленія своего интереса отъ интереса всероссійскаго, сейчасъ же докатились — благо свобода была полная и некому было мѣшать — до идеи полной самостоятельности, то-есть опять же до Балканъ. Это было такъ естественно: всякой малокультурной средѣ свойственна максималистская прямолинейность мысли. Если не централизмъ—такъ ужъ полное отдѣленіе.

Но перевязка экономическихъ интересовъ въ Россійскомъ государствѣ такъ сильна и многогранна, что новымъ россійскимъ балканамъ немедленно жизнь противопоставить идею „собиранія Россіи". Недаромъ вѣдь въ американской и въ германской федераціи общая тенденція идетъ въ сторону расширенія компетенціи центральной власти и съуженія компетенціи мѣстныхъ штатныхъ органовъ. Но если тамъ центро-стремительныя силы превышаютъ центробѣжныя, то почему въ Россіи въ конечномъ итогѣ надо ожидать обратнаго?

Очевидно, что если малоумной царской безоглядочной централизаціи и надо положить предѣлъ, то не въ формѣ полнаго фактическаго распада Россіи на совершенно самостоятельныя единицы.

Если же не исходить изъ предвзятой мысли объ обязательномъ федеративномъ раздѣленіи Россіи по какому либо единому принципу, то, какъ будто, приходится отказаться отъ самой задачи установить прочно и твердо, какъ очертанія новыхъ мѣстныхъ единицъ, такъ и предѣлы ихъ правъ.

Практически, дѣло рисовалось бы, примѣрно, такъ, что къ компетенціи центральной власти были бы отнесены: дипломатія, армія и флотъ, таможенные и желѣзнодорожные тарифы, желѣзнодорожное, искусственно-водное и портовое строительство и эксплоатація, распоряженіе нѣдрами,, эмиссіонная политика, почта, телеграфъ и телефонъ, установленіе предѣловъ податного и рабочаго законодательства, общій уголовный и гражданскій кодексъ, окружные и высшіе суды, наблюденіе за обязательнымъ удовлетворительнымъ изученіемъ русскаго языка во всѣхъ школахъ, оказаніе органамъ мѣстнаго самоуправленія помощи въ осуществленіи всякихъ культурныхъ мѣропріятій, для нихъ неподсильныхъ, и прямое управленіе окраинами, неспособными къ самоуправленію по экономической или умственной отсталости населенія.

Засимъ, рѣшительно все остальное должно быть предоставлено безраздѣльно вѣдѣнію мѣстнаго самоуправленія.

Образуются на мѣстахъ уѣздныя и губернскія земства и городскія управленія. По ихъ иниціативѣ, населенію, путемъ референдума, большинствомъ списочнаго состава предоставляется объединяться въ какія угодно областныя единицы, по какому угодно принципу, хотя бы и національному.

Въ центрѣ образуется органъ, въ которомъ достаточно полно и равномѣрно были бы представлены интересы всѣхъ частей Россіи и который, по иниціативѣ центральной власти, или по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ и учрежденій, разсматриваетъ всѣ акты „штатнаго" или „областного" законодательства съ точки зрѣнія отсутствія въ нихъ противорѣчія общероссійской конституціи и общему интересу Россіи въ совокупности, а равно опредѣляетъ, насколько допускаемое этими актами вторженіе въ

сферу компетенціи центральной власти является съ точки зрѣнія общероссійскаго интереса пріемлемымъ.

Такимъ путемъ созданіе мѣстнаго управленія быстро приметъ характеръ удовлетворенія дѣйствительныхъ, а не теоретически надуманныхъ потребностей.

Населеніе рѣшится на созданіе дорого стоющаго аппарата областного самоуправленія лишь въ томъ случаѣ, если потребность въ немъ будетъ имъ ясно усвоена.

Финансовыя соображенія, вообще, въ вопросѣ о раздѣленіи Россіи должны сыграть значительную, если не прямо рѣшающую роль. Не слѣдуетъ забывать, что въ свое время въ крестьянской средѣ пользовалась нѣкоторой популярностью идея упраздненія земства, въ особенности губернскаго.

Когда бумажки окончательно потеряютъ силу, тогда всѣ наглядно убѣдятся, насколько Россія бѣдна, и какъ ей трудно будетъ содержать даже одно центральное правительство, не говоря уже о десяткахъ областныхъ.

Россіи надо усиленно трудиться и безпощадно сокращать, а не плодить чиновниковъ.

Къ тому же у Россіи явно не хватаетъ людей для сформированія одного хорошаго центральнаго правительства. Откуда же явятся хорошіе люди для десятковъ правительствъ?

Они, наоборотъ, неизбѣжно будутъ очень плохими, а поэтому и нельзя ихъ навязывать сверху, не спросивши подлиннаго мнѣнія населенія и подчиняясь шуму, поднимаемому крикунами - политиканами, для которыхъ зачастую весь вопросъ объ отдѣленіи отъ Россіи — просто вопросъ личнаго честолюбія и кормленія. Удовлетвореніе такихъ вожделѣній для раззоренной страны — роскошь не только не допустимая, но прямо недостижимая.

Налоги собирать еще долго будетъ очень трудно. Займы, конечно, не будутъ успѣшны. Обезсиленная промышленность подписываться не будетъ въ состояніи, а частная подписка никогда и раньше не была сколько нибудь значительной, а теперь, послѣ большевистскаго отверженія государственныхъ долговъ, будетъ и того меньше.

Откуда же государство будетъ черпать средства на исполненіе расходнаго бюджета, а тѣмъ болѣе десятковъ бюджетовъ?

Источникъ одинъ — безпредѣльное печатаніе денегъ, принудительный „заемъ безъ отдачи".

Сперва доведутъ до полнаго обезцѣненія нынѣшній рубль, а затѣмъ начнутъ обезцѣнивать рубль девальвированный.

Но долго ли мужикъ будетъ сносить это обирательство?

По знаменитому Щедринскому реченію, „енъ достанетъ"?

А что, если „енъ" сообразитъ, что отъ своего русскаго образованнаго класса онъ получаетъ только чиновниковъ разнаго наименованія, чиновниковъ — земскихъ начальниковъ, двойной комплектъ чиновниковъ - комиссаровъ, а теперь тройной комплектъ тѣхъ же чиновниковъ, но уже въ формѣ сотенъ „самостоятельныхъ" министровъ съ подобающими канцеляріями.

И всѣхъ ихъ корми!

А что, если, „енъ" окончательно возропщетъ?

На чемъ будетъ тогда базироваться самое существованіе Россіи и всѣхъ ея „самостоятельныхъ" частей?

Какъ бы мужикъ, въ конецъ отчаявшись въ своей изболтавшейся интеллигенціи, въ серьезъ самъ не потребовалъ бы варяговъ!

Русскіе сепаратисты цѣликомъ рекрутируются изъ той среды, которая привыкла очень много думать и, порою, очень умно думать объ активныхъ статьяхъ государственнаго баланса. У насъ всегда было сколько угодно великолѣпныхъ проектовъ осчастливленія Россіи. Но пассивъ — средства для осуществленія надуманныхъ ими проектовъ земного рая, въ ихъ представленіи, долженъ доставить кто то другой.

У нихъ всегда была, либо казна съ ея двадцатымъ числомъ, либо чековая книжка, не ими заработанная, либо какой нибудь „Боссъ", котораго они искренне презирали и ненавидѣли за то, что онъ — „эксплоататоръ", но съ невѣроятной наивностью и такъ же искренне считали обязаннымъ самой природой добывать деньги для оплаты жалованій. А, откуда и какъ эти деньги добываются — они никогда не думали.

Явленіе это не спеціально русское, а міровое: — юныя демократіи всегда и всюду чрезвычайно расточительны.

Но также всегда и всюду жизнь, рано или поздно, съ неумолимой жестокостью ставила вопросъ о пассивѣ и тогда приходилось забрасывать великолѣпнѣйшія демократическія затѣи, ибо не было больше физической возможности ихъ осуществлять.

Русскія земства и города уже дошли до этого положенія наканунѣ пришествія большевиковъ. Не разгони ихъ большевики, имъ все равно пришлось бы ликвидировать всѣ свои прекрасныя учрежденія, ибо въ своемъ легкомысленномъ стремленіи къ „справедливой" оплатѣ труда своихъ многочисленныхъ служащихъ, они уже докатились до полнаго банкротства. Уже при Керенскомъ они жили только подачками изъ казны, у которой, однако, у самой никакихъ средствъ не было.

Поэтому сепаратизмъ въ данную минуту опасная игра, опаснѣйшая, и для самихъ окраинъ, и для всей Россіи въ совокупности, ибо скоро жизнь ребромъ поставитъ вопросъ о „желѣзной рукѣ", которая безпощадно прикончила бы всѣ, для страны недостижимо дорогія „увлеченія", ибо когда пассивъ — весь изъ гнилого кредита бумажныхъ денегъ, банкротство и ликвидація актива — неизбѣжны.

Въ процессѣ же этой ликвидаціи вздорныхъ — ибо практически неосуществимыхъ — затѣй очень ужъ легко можетъ погибнуть и общерусская свобода и та свобода культурнаго самоопредѣленія, которую дала окраинамъ русская революція и которая имъ только и нужна дѣйствительно жизненно.

Завоеванія революціи надо беречь, и не на словахъ, а на дѣлѣ, какъ добрые хозяева подводя подъ всякое начинаніе прочный финансовый фундаментъ и тщательно отбрасывая все, что явно „не по средствамъ".

Сепаратизмъ окраинъ Россіи не сфинансировать въ той же мѣрѣ, какъ не могла она сфинансировать соціальную справедливость по большевистскому рецепту.

Россія прежде всего бѣдна до нищеты и это надо помнить каждую минуту.

Кто строитъ безъ учета этой истины — строитъ на пескѣ, и удѣлъ его — гибель.

Пусть сепаратизмъ прекраснѣйшая вещь, но и сапоги — тоже вещь прекрасная. А у Россіи нѣтъ и сапоговъ, и удовлетворенію ея потребностей должна быть какая то очередь. Можетъ ли самоопредѣленіе окраинъ, какъ бы и кто бы этого не хотѣлъ, стоять въ первой очереди, когда въ глаза глядитъ голодная смерть?

У Россіи **срочнаго** вопроса о федераціи по просту нѣтъ, ибо она его физически не въ состояніи разрѣшить за отсутствіемъ денежныхъ средствъ.

Вѣчно обманывать деревенскій народъ печатаніемъ все новыхъ и новыхъ кредитокъ никому еще не удавалось.

ОПЕЧАТКИ:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Должно быть:
6	6 снизу	естественно	единственно
18	7 сверху	задумался	задумывался.
18	10 сверху	желаетъ	желалъ.
19	20 сверху	почва проведенія.	почва для проведенія.
22	13 сверху	На	Но
25	2 снизу	націонализизованныхъ.	націонализированныхъ
27	3 сверху	полуилъ	получилъ
29	7 снизу	поощраюощее	поощряющее
31	14 сверху	Вовторыхъ	Вопервыхъ

Цѣна 30 сент.

ИЗДАНІЕ М. М. ОГАНЕСОВА.
230 Riverside Drive, New York.
1919

To file and to acknowledge the
office to be returned to the
Yukon Collection